

Часть 1
ОТЛИВ

Глава 1

В зеркале рыба. Зеркало висит над раковиной в углу твоей комнаты в хостеле. Из крана капает вода, в комнатах она только холодная. Ты еще в постели, переворачиваешься на спину, смотришь в потолок. До тебя доходит, что ты отлежала руку, и другой ты отводишь ее назад. Наконец канонадой булавок и иголок пробивается боль. Сегодня собеседование. Тебе надо быть в форме. Ты приподнимаешь голову, опять опускаешь ее на подушку. Наконец стоишь у раковины.

Там на тебя, разинув рот, глазами в иссиня-красных глазницах смотрит рыба с обвислыми, будто под весом чудовищной чешуи, щеками. Ты не можешь на себя смотреть. Тебя раздражает капающий кран, и ты заворачиваешь его, прежде чем отвернуть опять. Извращение. Кишки вспучиваются от тупого удовлетворения.

— Привет-привет!

В дверь стучит женщина.

— Тамбудзай, ты идешь?

Это одна из тех, что живут с тобой в хостеле, Гертруда.

— Тамбудзай! — зовет она. — Завтрак?

Шаги удаляются. Ты представляешь, как она вздыхает, может, хоть чуть-чуть расстроившись, что ты не ответила.

— Изабел! — опять кричит она, переключившись на другую постоялицу.

— Да, Гертруда, — отвечает Изабел.

Грохот дает тебе понять, что, когда чистила зубы, ты не уследила и задела локтем зеркало. Или это оно тебя задело? До конца непонятно. Ты ничего не почувствовала. Точнее, ты не можешь прийти к определенному выводу, поскольку реальность тебя изобличает. Ты пытаешься соблюдать правила хостела, но они просто смеются над тобой. Миссис Мей, сестра-хозяйка, не раз напоминала тебе, что по возрасту ты уже не проходишь. И вот теперь зеркало опять, соскочив с погнутого гвоздя, упало в раковину, в результате чего появилась новая трещина. Если оно упадет еще раз, из рамы повывлетают все кусочки. Ты осторожно поднимаешь зеркало, чтобы отколотые части остались на месте, обдумывая, как будешь объясняться с сестрой-хозяйкой.

— Так как же вы умудрились? — спросит миссис Мей. — Понимаете, обстановку портить нельзя.

Сестра-хозяйка думает о тебе, так она уверяет. И часто говорит о недовольстве совета попечителей. Не тобой собственно, а твоим возрастом, так она говорит. Городской совет отзовет у хостела лицензию, если обнаружится, что в нем проживают женщины такого возраста, те, кто уже давно перешагнул рубеж, предусмотренный уставом хостела «Твисс».

Ты ненавидишь этот сучий совет.

Из зеркала выпадает треугольничек, сначала тебе на ногу, потом, оставляя темно-красное пятно, сползает на пол. Бетонный пол серо-зеленый, как грязное озе-

ро. Ты боишься, что сейчас попадают остальные части зеркала, но они удерживаются.

За дверью, в коридоре, Гертруда и Изабел уверяют друг друга, что долго и крепко спали. К ним присоединяются другие постоялицы, и начинается нескончаемая болтовня.

Пол в коридоре блестит, хоть он не из коровьего навоза, а цементный. В рекламном агентстве, откуда ты громко ушла много месяцев назад, тебе приходилось писать туристические проспекты. В этих творениях утверждалось, что в деревнях твоей страны женщины натирают пол из коровьих лепешек до тех пор, пока он не начинает блестеть, как цементный. Врали проспекты. Никакого блеска в памяти у тебя не сохранилось. У твоей матери полы вообще не блестели. Ничегошеньки не сверкало и не искрилось.

Ты осторожно отходишь от раковины, чтобы открыть дверцу шкафа. В маслянисто-белой краске, которой замазана деревянная панель, рыба раздувается до размеров гиппопотама. Ты отворачиваешься, не желая видеть нескладную тень — свое отражение.

Из глубины шкафа ты достаешь юбку, заготовленную для собеседования, купленную, когда у тебя были деньги на приобретение примерно тех моделей с модных журнальных разворотов, на какие ты засматривалась. Тебе понравилась юбка-дудочка с парным топом. Втиснуться теперь в нее — нешуточное испытание для толстокожего животного. Молния подлыми зубчиками кусает кожу. Собеседование, куда ты наряжаешься, организовала сестра-хозяйка. С белой женщиной, которая живет в Борроудейле. Ты боишься, что на юбке останется кровь. Но она быстро сворачивается, как и вокруг красной черты на верхней стороне стопы.

Гертруда и остальные девушки шумно идут по коридору на завтрак. Прежде чем выйти, ты ждешь, пока смолкнет их болтовня.

— Ну народ! Да, вы, — бормочет уборщица, однако достаточно громко, чтобы ты услышала. — Ходят тут, развозят грязь, пол еще не высох.

Она пропускает тебя, ведро бьется о стенку.

— Что плохого сделало тебе мое ведро? — еле слышно шипит она тебе в спину.

— Доброе утро, миссис Мей, — здороваешься ты.

Сестра-хозяйка сидит за стойкой в фойе, розовая, напудренная, похожая на пушистый кокон.

— Доброе утро, Тахмбудзахи, — отвечает она, отрываясь от кроссворда в «Зимбабве Клэрион», лежащем перед ней на столе.

Она улыбается, когда ты спрашиваешь:

— Как начинается утро, мадам? Надеюсь, вы хорошо спали. И спасибо вам за все.

— Ведь это сегодня? — интересуется она, и при мысли о жизни, в которой не придется сражаться из-за тебя с советом попечителей, настроение у нее улучшается. — Ну что ж, удачи! Не забудьте напомнить обо мне Мейбл Райли. Я не видела ее ровно с тех пор, как она бросила школу, потом мы разошлись, выскочили замуж и погрузились в семейные заботы. Скажите, что я передаю ей привет. Я разговаривала с ее дочерью, она абсолютно уверена, что у вас все получится с жильем.

Тебе противно воодушевление сестры-хозяйки. Она наклоняется к тебе, ошибочно приняв блеск в твоих глазах за благодарность. Ты это чувствуешь и все-таки точно не знаешь, о чем говорит блеск, приличен ли он или ты вышла за рамки.

— Я уверена, все пройдет очень хорошо, — шепчет сестра-хозяйка Мей. — Мэбс Райли была отличной старостой. Я помладше, но она была просто чудесная.

Хлопья пудры отслаиваются от ее трясущихся щек.
— Благодарю вас, миссис Мей, — бормочешь ты.

* * *

Брунфельсия в саду хостела колыхается сиреневым, белым, лиловым. Пчелы продираются сквозь воздух, вонзая хоботки в эти легкие, легчайшие брызги света.

Ты останавливаешься у куста на полдороге, чтобы не раздавить смелого счастливого жучка. За ним буйствует живая изгородь из китайской розы. Много лет назад — ты не хочешь вспоминать, сколько именно, — ты со смехом, не задумываясь, выдувала толстозадых жучков из песчаных ямок. Когда жук отлетал, ты опускала в ямку муравьев и смотрела, как миниатюрные гладиаторы сражаются и гибнут в челюстях своих мучителей.

Ты сворачиваешь на Герберт-Читепо-авеню. Мальчишки ошибочно принимают тебя за мадам и с хныканьем выпрашивают подавание.

— Тамбу! Тамбу! — раздается голос.

Он тебе знаком. Ты жалеешь, что не раздавила жука.

Гертруда ковыляет на шпильках, за ней тащится Изабел.

— Нам по пути, — заявляет Гертруда, хотя сама себя она называет Гerti. — Наконец-то нам выдался шанс пожелать тебе доброго утра и выяснить, как ты спала. Мы с Изабел идем в «Сэм Леви».

— Доброе утро, — бормочешь ты, держа дистанцию. Они обступают тебя с обеих сторон, как полицейские. Их прыгающая походка раздражает.

— О, а я и не знала, — Изабел захлебывается в потоке слов, как будто в ее случае мысль не обязана предшествовать речи.

Это тебя немного забавляет, ты улыбаешься. Девушка приободряется.

— Ты тоже идешь в «Сэм Леви». Ты ведь так же любишь распродажи, как и мы. Я не знала, что старые любят моду.

Когда девушки распрямляют плечи, чтобы подчеркнуть грудь, сиськи у них выпячиваются.

— Я не в «Сэм Леви», — говоришь ты.

Их взгляды направлены не на тебя, девушки рассматривают машины на дороге и среднего возраста мужчин за рулем.

— Я в Борроудейл, — уточняешь ты. — Там живет моя тетя.

Девушки снова переключают на тебя внимание.

— Борроудейл, — повторяет Гертруда.

Ты точно не понимаешь, относится ее удивление к тому, что у тебя есть тетя или что твои родственники могут жить в Борроудейле. Несмотря на это, ты в первый раз за утро испытываешь удовлетворение и позволяешь улыбке подняться до самых глаз.

— А что тут такого удивительного? — пожимает плечами Изабел, поправляя соскользнувшую на плечо бретельку лифчика. — У моего бабамунини, брата отца, был там дом. Но он его потерял, потому что не мог платить. Кажется, какие-то взносы или в этом роде. И он перебрался в Мозамбик, что-то с бриллиантами, по-моему. — Она вертит носом. — Сейчас сидит

там в тюрьме. Только такие и селятся в Борроудейле. Пожилые!

— А кто твоя родственница, Тамбудзай? — спрашивает Гертруда.

— Я не имею в виду таких, как ты, Сиси¹ Тамбу, — перебивает ее Изабел. — Я имею в виду по-настоящему старых.

* * *

У обочины на углу Борроудейл-роуд и Седьмой улицы толпа.

— Вабереки, вабереки!² — благим матом орет молодой человек, сидящий за помятой дверью микроавтобуса.

Автобус резко выворачивает на обочину. Все съезжаются, втягивают руки, ноги, головы. Ты подаешь назад вместе с толпой. Секунду спустя тебя выносит вперед вместе с каким-то человеком, который локтями энергично отпихивает назад всех, кого удастся. Но тревога ложная.

— Родители, вас мы не берем! — кричит, ухмыляясь, молодой кондуктор. — У нас все места заняты. Вам понятно? Заняты.

Водитель тоже усмехается. С пламенеющих деревьев на дорогу зигзагами слетают вороны и с надрывным карканьем отскакивают от облака сажи, изрыгаемого брюхом автобуса.

Скоро все опять подаются вперед. Когда водитель другого микроавтобуса жмет на тормоза, слышится скрип металла и резины. Колеса бьются о бордюр тротуара. Молодые люди локтями прокладывают себе путь

¹ Сестра.

² Родители.

и запрыгивают в салон. Ты ныряешь под чьи-то руки, между телами.

— Родители, садитесь. Садитесь, садитесь, родители! — кричит второй кондуктор.

Он телом загораживает полдесятка школьников, сгрудившихся на моторе. Ты пробираешься мимо, бедрами проехавшись по его чреслам, и от этого прикосновения тебе становится стыдно. Кондуктор ухмыляется.

— Ой, Май! Мама! — визжит девочка.

Ты наступила ей на ногу двухцветной туфлей в стиле леди Дианы из настоящей европейской кожи, эту пару тебе несколько лет назад подарила кузина, учившаяся за границей.

Из глаз девочки капаят слезы. Она наклоняется потереть ногу, и ее голова ударяется о зад кондуктора.

— Ну, народ, вана хвинди, — тягуче ворчит соседка Гертруда. Одна ее нога на ступеньке автобуса. Голос сочный, уверенный. — Они ведь совсем маленькие дети. Вы когда-нибудь сами были ребенком, кондуктор? Мы называем их детьми, хотя наши дети совсем другое, чем эти козлята, — так же медленно продолжает она.

— Если вы пришли присмотреть за детьми, все в порядке, только не здесь. Хотите, чтобы мы опоздали? — кричит мужчина из задней части автобуса.

— Эй, разве она кому-то что-то сказала? — взбрыкивает Изабел, залезая следом за тобой.

Обиженные пассажиры недовольно ворчат на твоих спутниц.

— Тоже мне, девицы, сами не знают, что несут.

— Молодняк, ни в чем не разбирается. Понятия не имеют, что Бог дал им разум, чтобы думать и держать рот на замке.

Радуюсь, что втиснулась на место, ты сначала молчишь.

— Может быть, наши юные дамы о чем-то попросят, — опять подает голос мужчина сзади. — Например, чтобы их чему-нибудь научили. Если им все равно, кое-кто их научит и заставит запомнить.

— Хорошо бы дети втянули ноги, — говоришь ты несколько секунд спустя.

Потому что ты часть автобусной жизни.

Изабел молча находит место. Гертруда тоже перестает сражаться за детей и поднимается в салон. Заняв последнее место напротив кондуктора, она треплет по голове маленькую девочку.

— Она лучшая, — объясняет Гертруде мальчик, сидящий рядом с девочкой. — Она побежит на школьных соревнованиях. Когда она в норме, мы всегда выигрываем.

И он грустно опускает глаза.

Все неудобно. В автобусе слишком много народу, он набит битком. Мотор под детскими попами кипит. Салон заполняет запах горячего масла. У тебя из подмышек течет пот.

Скоро кондуктор уже собирает деньги и выкрикивает остановки:

— Тонгогара-авеню. Воздушные силы. Роботы.

— Сдачи, — требует женщина на Черчилль-авеню. — Я дала вам доллар.

Грудь у нее как матрас, к таким боятся подступиться даже мужчины.

— Пятьдесят центов, — упорствует пассажирка, глядя вниз на молодого кондуктора.

Она одна из тех, кто смеялся шуточкам молодежи.

Кондуктор хмурится.

— Где я возьму вам сдачу, мамаша?